

- СПб.: Изд-во Петерб. ун-та, 1997. – 200 с.
8. Губарев В.П. К типологии фразеологических моделей (на материале немецкого языка) // Науч. докл. высш. школы. – Филол. науки, 1985. – № 4. – С. 65–68.
 9. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 200 с.
 10. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – 2-е изд., исправл. и допол. – М.: Высшая школа, 1989–2. – 287 с.
 11. Авксентьев Л.Г. Сучасна українська мова: Фразеологія. – 2-е вид., доп. і перероб. – Харків: Вища школа, 1988. – 134 с.
 12. Алефіренко М.Ф. Теоретичні питання фразеології. – Харків: Вища школа, 1987. – 134 с.
 13. Білоноженко В.М., Гнатюк І.С. Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів. – К.: Наукова думка 1989. – 156 с.
 14. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986. – 310 с.
 15. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 281 с.
 16. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – 3-е изд., исправл. и доп. – М.: Высшая школа, 1985. – 231 с.
 17. Зубець Н.О. Мінімальні ідіоми в українській мові: Автореф. дис. ... канд. філол. наук. – Дніпропетровськ, 1997. – 20 с.

Дыникова Л. Ш.

ПУБЛИЦИСТИКА И ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО В РОМАНЕ И. ГАСПРИНСКОГО «ФРАНЦУЗСКИЕ ПИСЬМА»

Личность Исмаила Гаспринского (1851–1914) в истории Крымского полуострова стоит на особом месте. Выдающимся просветителем и педагогом, авторитетным общественным и политическим деятелем, известным полемистом и публицистом, талантливым писателем и поэтом – вот каким его запомнили современники и знают потомки.

Деятельность И. Гаспринского до сих пор помнят в странах Малой и Средней Азии, на Ближнем и Дальнем востоке. Им были написаны художественные и публицистические произведения, составлены принципиально новые учебники. Он разработал и воплотил в жизнь новую методику преподавания ряда предметов в национальных школах. И. Гаспринского по праву считают основателем и лидером культурно-просветительского движения стран Востока, именуемого “джадидизм” [1]. Он был вхож в дворцы турецкого султана, египетского хедива и бухарского эмира. И. Гаспринский хорошо знал будущих академиков А. Самойловича и А. Крымского. Его считали своим учителем академик Чобан-Заде, Н. Нариманов, Дж. Валидов, С. Озенбашлы, О. Акчокраклы, Л. Айвазов, И. Леманов и многие другие.

Известно, что И. Гаспринский – организатор первой общетюркской газеты «Терджиман» – «Переводчик». Для анализа общественной нагрузки художественных текстов знаменитой газеты – рупора обновленчества (джадидизма) в исламской умме [2] Российской империи конца XIX – начала XX в. необходимо обратить особое внимание на знаменитый роман, опубликованный под названием «Френкистан мектюплери» («Французские письма»).

В первой части романа И. Гаспринский проанализировал состояние грандиозной технологической европейской цивилизации, используя “исламскую призму” своего главного героя Моллы Аббаса Франсови. Во второй части И. Гаспринским была описана фантастическая страна мусульман, где широко использовались научно-технические достижения и сохранялся высокий уровень исламской этики и морали.

Таким образом, есть необходимость рассмотреть, как мусульманские интеллектуалы в конце XIX в. рассматривали цивилизационные достижения Европы. Они были наглядны и, без сомнения, оказывали на них огромное впечатление.

В первую очередь туркестанского путешественника очень заинтересовало состояние просвещения в Европе. Он был непосредственно поражен, что в местных университетах изучают языки ислама: арабский, персидский и турецкий. Молла Аббас Франсови не понимал, зачем “немецкому медресе” священный язык мусульман. Посетив Венский университет, он с нескрываемым удивлением узнал, что местные ученые имели незаурядные и основательные научные знания. К тому же они их получили не в Стамбуле или Бухаре, а непосредственно на месте – в Вене. Больше всего его поразило большое количество книг “на мусульманских языках”, которые находились в библиотеке этого учебного заведения.

Но, главное, он получил ответ на свой довольно наивный вопрос. Оказалось, что немцы не считали, что у них достаточно знаний. Они образно сравнивали науку со “священным лучом” и высокопробным золотом, которых всегда будет мало. Такая “жадность” к науке приятно удивила туркестанского путешественника и он разделил европейскую просвещенную позицию, изложенную ему австрийскими учеными.

Прибыв в Париж Молла Аббас Франсови, стал усердно посещать школу языкознания. Именно там, между прочим, он стал ассистентом профессора по джигатайскому наречию [3]. Его очень удивляло, что у “френгов” много людей учатся – “и старый и молодой” упорно ищут знаний, всем им хотелось знать, стараются говорить на разных языках. “Удивительный народ!” – восклицал он.

“Оригинальное” воспитательное учреждение, “похожего”, на который нет на родном мусульманском Востоке вновь очень удивило и заинтересовало Моллу Аббаса Франсови. Таким он считал детские ясли (“азиль”), которые уже в то время существовали во Франции. Он с восторгом рассказывал мусульманским

читателям, что такие удивительные учреждения существуют для того, чтобы малосостоятельные родители могли зарабатывать деньги. За довольно небольшую плату матери могли быть спокойными, что их детей своевременно накормят и всегда присмотрят за ними.

Кроме того, все французы мужского и женского пола должны были обучаться грамоте. Для взрослых граждан, которые оставались по той или иной причине безграмотными, государство создавало специальную систему “воскресных школ”. Там один раз в неделю, отдыхая после повседневного труда, французские бедняки посвящали несколько часов обучению. Оно в большинстве случаев оплачивалось из частных благотворительных пожертвований и было совсем бесплатным для взрослых учеников. Молла Аббас Франсови поучал читателей, что именно любовь и преданность науке и школе в это время позволила занять французам “первое место” во всех сферах жизни. Более того, назвать какого-либо гражданина этого государства “невеждой” и “безграмотным” означало глубоко обидеть его.

Главный герой сравнивал состояние народного образования среди европейцев и мусульман. Несомненно, что это сравнение было не в пользу последних. Он отмечал, что среди сотни мусульман найдется только 10 – 15 грамотных лиц. С другой стороны, среди сотни французов редко когда нашлось хотя бы десятка неграмотных.

Такое состояние вещей автор объяснял тем, что именно французам удалось “полностью освоить” основы исламских догматов. Более того, собственно Молла Аббас Франсови был убежден, что они это позаимствовали из Корана, хадисов, мусульманского шариата и практики древнеисламской жизни. Он доказывал это тем положением, что всеобщее и бесплатное обучение является одной из основ мусульманского вероучения.

Он отмечал, что во Франции его кругозор день изо дня все более расширялся. Ему удавалось по делам посещать “классы, где преподаются науки”. Изучая в Париже историю, Молла Аббас Франсови ознакомился с прошлым и начинал понимать сегодняшнее, и немного представлять перспективы развития в будущем. География в преподавании европейских учителей познакомила его с народами, странами и их каждодневной жизнью. Курсы физики и химии составили правильное представление о сущности и действии многих вещей и о причинах многих явлений, которые казались когда-то темными, не объяснимыми.

Слушая лекции по политэкономии, Молла Аббас Франсови понял “законы производства, торговли и накопления богатства”. Вообще он подчеркивал, что он узнал и понял много нового, удивительного и каким невеждой “был до этого”.

Выводы, которые сделал главный герой и автор произведения, имели просвещенский подтекст – не стыдно учиться, стыдно оставаться невеждой.

Без сомнения, на туркестанского мусульманина в Париже произвела большое впечатление еще одна черта из повседневной общественной жизни. Молла Аббас Франсови напоминал своим единоверцам, что нищенство было строго запрещено шариатом. Но на Востоке рынки и площади возле мечетей всегда были ими переполнены. С другой стороны, на Западе нищих он не заметил, будто бы какой-то “суровый халиф” буквально исполнил здесь постановление шариата. Выяснилось, что бродяг и тунеядцев, которые не желали трудиться, помещали в тюрьмы и заставляли работать. С другой стороны, несчастных людей, которые не имели возможности трудиться, помещали в специальные заведения, не допуская унижения человеческого достоинства на площадях и рынках.

Для этого там организовывались широчайшая благотворительность, и на доброе, общественное дело французы всегда с удовольствием жертвовали, – подчеркивал Молла Аббас Франсови. Одновременно он приводил и примеры такой благотворительности. Особенно его поразил персонал, а главное, сестры милосердия парижских больниц, где он очутился.

Несомненно, для российских тюрков – читателей “Терджимана”, подобный путь социального развития мусульманского общества, исламской цивилизации, был принципиально неприемлемым. Оказывается, дело заключалось даже не в религиозных, этнографических, бытовых или культурных отличиях азиатомусульман и европейцев-христиан. В определенных формах они могли быть восприняты единоверцами Моллы Аббаса Франсови. В европейской цивилизации отсутствовал стержень “справедливости”, чтобы являться прогрессивной моделью для подражания. По мнению автора, научно-техническая цивилизация без духовности имела небольшие шансы на внедрение в мусульманской умме конца XIX в.

Таким образом, необходимо сказать, что интересные социологические конструкции И. Гаспринского являются достижением крымскотатарской общественной мысли конца XIX века. Их общественная значимость сопоставима с творчеством выдающихся мыслителей того времени – Мухаммада Абдо, Шигабутдина Марджани и Джамалютдина аль Афгани.

Источники и литература

1. Климович Л. На службе просвещения// Звезда Востока. – 1987. – № 8. – С. 173 – 179.
2. Ганкевич В. Великий крымскотатарский просветитель. К истории создания и развития периодических изданий Исмаила Гаспринского// Брега Тавриды. – 1995. – № 1. – С. 241 – 260.
3. И. Гаспринский Французские письма. – Симферополь.: Доля, – 2003. – 221 с.
4. Керим И. Гаспринскийниниъ «джанлы» тарихы. Акъмесджит: Тарпан. – 1999. – 408 с.